

Недоброво Н. В. О Тютчеве // *Вопр. литературы.* 2000. № 6.

Непоминаций В. С. Феномен Пушкина как научная проблема: Дис. [в форме науч. докл.]... докт. филол. наук. М., 1999.

Орлов П. А. Счастье и блаженство в поэзии XVIII – начала XIX века // *Рус. речь.* 1983. № 5.

Пицкель Ф. Н. Тютчев-диалектик: (О своеобразии поэзии Ф. И. Тютчева) // *Рус. литература.* 1986. № 2.

Созина Е. К. Поэтический дискурс Ф. И. Тютчева // *Эволюция форм художественного сознания в русской литературе: феноменологические принципы литературоведческого исследования.* Сб. ст. Екатеринбург, 2001.

Топоров В. Н. Заметки о поэзии Тютчева: (Еще раз о связях с немецким романтизмом и шеллингианством) // *Тютчевский сб.: Ст. о жизни и творчестве Ф. И. Тютчева / Под общ. ред. Ю. М. Лотмана.* Таллин, 1990.

Тургенев И. С. Несколько слов о стихотворениях Ф. И. Тютчева // *Тургенев И. С. Ст. и воспоминания.* М., 1981. С. 106.

Тынянов Ю. Н. Вопрос о Тютчеве // *Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино.* М., 1977.

Тютчев Ф. И. Лирика: В 2 т. Т. 1. М., 1965.

Тютчев Ф. И. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1980.

Франк С. Л. О задачах познания Пушкина // *Пушкин в русской философской критике, конец XIX – первая половина XX в.* М., 1990.

Шеллинг Ф. В. Сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1989.

Шеллинг Ф. Философия искусства. М., 1966.

В. И. Копалов

Ф. И. ТЮТЧЕВ – ДИПЛОМАТ И МЫСЛИТЕЛЬ

Велико, знать, о Русь, твое значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Ф. И. Тютчев

В год 200-летия со дня рождения Тютчева открыт памятник поэту. В Мюнхене... В городе, где начиналась и проходила на протяжении почти двадцати лет его дипломатическая деятельность. Умеем ли мы, его соотечественники, чтить, ценить и воздавать должное великому русскому поэту, дипломату и мыслителю, который явился наиболее проницательным выразителем нашей национальной духовной субстанции...

Тютчев – великий русский поэт, это неоспоримая истина. Однако по роду своей деятельности он на протяжении полувека был связан с дипломатической службой и внешней политикой России. Многие русские писатели этого времени были всецело связаны с литературной деятельностью. У Тютчева основное поприще – дипломатия. И нередко свое поэтическое дарование он использовал в политических целях. Видный исследователь творчества Тютчева В. В. Кожинов говорил о «прикладном характере» целого ряда стихотво-

рений Тютчева, написанных на злободневные темы («Славянам», «Ватиканская годовщина», «Теперь тебе не до стихов...», «Ужасный сон отяготел над нами...» и др.). Более того, сам Тютчев признавался, что в сложной политической ситуации необходимо нечто вроде «рифмованного лозунга», который, благодаря стихотворной форме, быстро и надолго усваивается общественным мнением. Однако и подобные стихи несут на себе отсвет тютчевского таланта («Два единства», «Напрасный труд – нет, их не вразумишь...»).

Не знаешь, что лестней для мудрости людской:
Иль вавилонский столп немецкого единства,
Или французского бесчинства
Республиканский хитрый строй.

После окончания словесного отделения Московского университета Тютчев по инициативе своего родственника графа А. И. Остермана-Толстого был зачислен в Государственную коллегию иностранных дел. Вскоре он был направлен в Мюнхен – столицу королевства Бавария в качестве сверхштатного чиновника русского посольства. Мюнхен, благодаря своему университету, был тогда одним из самых культурных городов Германии и Европы и по праву назывался «германскими Афинами». Именно здесь, в Мюнхене, Тютчев на протяжении пятнадцати лет общался со знаменитым представителем немецкой классической философии Ф. Шеллингом, с поэтом Г. Гейне, другими поэтами-романтиками, вбирая в себя европейскую культуру в ее многообразных формах.

С 1837 г. Тютчев назначается старшим секретарем русской миссии в Турине – столице Сардинского королевства. Должности, занимаемые Тютчевым, на первый взгляд не очень солидные. Но это во многом было связано с негативным отношением к нему министра иностранных дел К. Нессельроде, которого Тютчев называл «министром иностранных дел Австрии», а едкие афоризмы и метафоры Тютчева доходили до адресата. После возвращения в Россию в 1844 г. Тютчев продолжает работать в МИДе. Но лишь после прихода на пост министра иностранных дел кн. А. М. Горчакова, позднее – канцлера, роль Тютчева значительно возросла. Тютчев занимал должность председателя Комитета цензуры иностранной. В те времена в Россию ввозилось 2–2,5 млн книг только за один год. Комитет, возглавляемый Тютчевым, отклонял 150–200 книг за год, как правило, ввиду их «несовместимости» с нравственными нормами.

Однако влияние Тютчева на внешнюю политику России было более значительным. Начиная с 1856 г. и вплоть до своей кончины Тютчев был неофициальным советником канцлера кн. Горчакова, одним из главных творцов внешнеполитических принципов российской дипломатии. Через прессу он влиял на общественное мнение как в России, так и за рубежом по проблемам российской внешней политики. По мере продвижения по ступеням служебной карьеры и выслуги лет он получал соответствующие Табели о рангах звания. Так, в 1856 г. он получил чин действительного статского советника (соответствует генеральскому званию). А в 1865 г. император Александр II

удостоил Тютчева чином тайного советника – это была 3-я ступень в государственной иерархии, а фактически – вторая, так как первую занимал лишь канцлер кн. А. М. Горчаков. Наряду с этим он получал и придворные звания: камер-юнкер (1825) и камергер (1835).

Тютчев в качестве дипкурьера предпринимал многократные поездки в страны Европы. Особенно активно он действовал в период Крымской войны (1853–1856), именно с этими событиями связаны его поездки в Вену и Париж.

Историософские размышления Тютчева были своего рода продолжением его дипломатической деятельности. Исследователи творчества Тютчева подчеркивают, что он не просто думал об истории, он жил ею. В любом политическом событии его времени он видел современное звено истории. Сам Тютчев писал, что «...в истории ему открывается... величие несравненной поэзии». Исторические события эпохи Тютчева были весьма многообразны. Он хорошо помнил Отечественную войну 1812 г. Во время восстания декабристов он был за рубежом, но очень внимательно следил за событиями в России. Борьба за освобождение Греции, революции во Франции 1830 и 1848 гг., восстания в Польше 1831 и 1863 гг., объединение Германии и Италии, Франко-прусская война, восточный вопрос и колониальный раздел мира – все это не прошло мимо его внимания и получило отражение в стихотворениях и в многочисленных письмах. Но особенно тяжело Тютчев пережил Крымскую войну, мучительно и трагически, как катастрофу России. Оценивая трагедию крымской катастрофы, он писал:

Теперь тебе не до стихов,
О слово русское, родное!
Созрела жатва, жнец готов,
Настало время неземное ...

<...>

О, в этом испытанье строгом,
В последней, в роковой борьбе,
Не измени же ты себе
И оправдайся перед Богом...

Отмена тяжких для России ограничений после Франко-прусской войны имеет в поэзии Тютчева уже иную тональность:

Пятнадцать лет тебя держало
Насилье в западном плену;
Ты не сдавалась и роптала,
Но час пробил – насилье пало:
Оно пошло как ключ ко дну.

В зрелом периоде своего творчества Тютчев отчетливо понимал, что история России – одно из основных направлений всемирной истории. В статье «Россия и Германия» он подчеркивал: «Истинный защитник России – это история, ею в течении трех столетий неустанно разрешаются в пользу России все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу». После возвращения в Россию Тютчев говорил П. А. Вяземскому, что его больше

всего поражает «отсутствие России в России». Он утверждал, что «за границей всякий серьезный спор, политические дебаты и вопросы о будущем неминуемо приводят к вопросу о России. О ней говорят беспрестанно, ее видят всюду. Приехав в Россию, вы больше ее не видите. Она совершенно исчезает из кругозора». Позднее он добавлял: «Пора бы наконец понять, что в России всерьез можно принимать только самое Россию».

С горечью и негодованием Тютчев говорил о недостатке или прямом отсутствии национально-исторического сознания у правящих кругов России, о различных формах русофобии как в общественном мнении Европы, так и в самой России. По его мнению, «коалиция всех антирусских в России направлений есть факт очевидный, осязательный... Высказана как принцип, безнародность верховной русской власти, т. е. медиатизация (медиатизацию он понимал как лишение независимости. – В. К.) русской народности».

В 1864 г., учитывая трагические последствия Крымской войны, Тютчев писал: «Единственная естественная политика России по отношению к западным державам – это не союз с той или иной из этих держав, а разъединение, разделение их. Ибо они, только когда разъединены между собой, перестают быть нам враждебными – по бессилию... Эта суровая истина, быть может, покоробит чувствительные души, но в конце концов ведь это закон нашего бытия». В этом смысле надо отметить необычайное геополитическое чутье Тютчева как политика и дипломата. Спустя пять лет об этом же скажет Н. Я. Данилевский в своем труде «Россия и Европа». Надо заметить, что сам Тютчев никогда не противопоставлял абсолютно Россию Западу. Но он непримиримо относился к тем силам, которые воплощали в себе антироссийское начало – папство, прусский милитаризм, политику Англии и политику Наполеона III. В целом, он настаивал на том, что Россия должна «войти в мирное духовное общение с Западом». Его собственный опыт был тому порукой.

Особо следует остановиться на историософском сочинении Тютчева «Россия и Запад», замысел которого он осуществил в конце 1840-х гг., и в это же время опубликовал в парижских изданиях две законченные главы – «Россия и Революция» и «Папство и Римский вопрос». Согласно замыслу Тютчеву, трактат «Россия и Запад» должен был включать девять глав, каждая из которых содержала важнейшие проблемы европейских политических отношений: объединение Италии и Германии, прогнозы о распаде Австрии, место России в концерте европейских держав, роль России в разгроме наполеоновской Франции, перспективы будущего. Однако этот грандиозный план был реализован лишь отчасти. Тем не менее к каждой из ненаписанных глав Тютчев предпосылает развернутый проспект, который дает нам основание судить как об историософском потенциале Тютчева, так и о тесной связи его взглядов на историю с повседневной деятельностью дипломата.

Общая тональность всего трактата «Россия и Запад» связана с двумя ведущими мотивами – враждебным отношением Европы к России и выявлением причин этого отношения. Волны русофобии в европейской печати, в общественном мнении и внешней политике европейских государств были особенно сильны в периоды восстаний в Польше, революции 1848–1851 гг. и

Крымской войны. Он оценивал книгу А. де Кюстина «Россия в 1839 году» как «доказательство умственного бесстыдства и духовного растрепанности». В чем кроются причины этого враждебного отношения? На этот вопрос Тютчев отвечает в статье «Россия и Германия», которая по своей проблематике близка трактату «Россия и Запад» и была адресована редактору аугсбургской «Всеобщей газеты» д-ру Г. Кольбу. Истоки этой русофобии и антипатии Тютчев усматривает в различии исходных цивилизационных начал, которые в принципе отличают духовное мироотношение Запада и России. К этому он добавляет свои размышления относительно геополитических и геостратегических противоречий между Западом и Россией.

В этой статье он весьма своеобразно сформулировал позицию Запада, как его мыслителей, так и обывателей: «Мы обязаны вас ненавидеть, ваше основное начало, самое начало вашей цивилизации внушают нам, Немцам, западникам, отвращение; у вас не было ни феодализма, ни папской иерархии; и вы не испытывали ни борьбы религиозной, ни войн империи, ни даже инквизиции; вы не принимали участия в крестовых походах, вы не знали рыцарства; вы четыре столетия тому назад достигли того единства, к которому мы еще теперь стремимся; ваше основное начало не уделяет достаточного простора личной свободе, оно не допускает возможности разъединения и раздробленности». В этом положении, сформулированном Тютчевым, знавшим психологию западного человека и внешнеполитические устремления стран Запада не понаслышке, а на основе длительного опыта дипломатической деятельности, мы воочию видим те же самые суждения, которые в начале XXI в. Запад предъявляет современной постсоветской России.

В этой статье Тютчев прямо и недвусмысленно формулирует свою позицию: «Я русский... русский сердцем и душою, глубоко преданный своей земле». Это своего рода камертон всех историсофских исканий и размышлений Тютчева. И. С. Аксаков в написанной им биографии «Федор Иванович Тютчев» говорил: «С появлением этой статьи Тютчева впервые раздался в Европе твердый и мужественный голос русского общественного мнения. Никто никогда ...еще не осмеливался говорить прямо с Европою таким тоном, с таким достоинством и свободой... Тютчев первый осветил историческую жизнь Запада светом русской, христианской, православной мысли, – первый заговорил с западным обществом языком русского и православного, и не поколебался перед лицом всего мира указать ему новый мир мысли и духа – в России».

В главе «Россия и Революция», которая как статья была напечатана в Париже на французском языке, Тютчев вскрыл фундаментальные основания революционного брожения в Европе. По его мнению, католицизм, протестантизм и революция образуют единый фундамент современной цивилизации, способствуют апофеозу отделяющейся от Бога личности с ее вне- или антихристианскими принципами. «Россия прежде всего Христианская Империя. Русский народ – христианин не только в силу Православия своих убеждений... Он христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы.

Революция – прежде всего враг Христианства! Антихристианское настроение есть душа Революции; это ее особенный отличительный характер». И здесь Тютчев не только дает глубоко верную оценку революционного движения в Европе, но вместе с тем проявляет образцы предвидения и пророчества в оценке и тех революций, которым было суждено осуществиться в России. Вл. Соловьев в творчестве Тютчева особо выделяет прогноз об исторической миссии России во всемирном масштабе. «Как во всей природе наш поэт признавал живую душу, которою держится единство и целостность мира, подобным же образом признавал и живую душу человечества и видел ее – в России, – писал он. – Тютчев считал Россию по природе христианским царством. Так как смысл истории в христианстве, то Россия, как страна по преимуществу Христианская, призвана внутренне обновить и внешним образом объединить все человечество».

Незадолго до кончины Тютчев прочел работу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и сказал, что в этом человеке, «наконец, удалось мне встретить и приветствовать ревнителя в уровень с моими чаяниями и притязаниями». Однако историософский потенциал тютчевского наследия еще ждет своего исследователя. Эти идеи сокрыты не только в стихотворениях и статьях, но и в огромном эпистолярном наследии поэта, которое по самым скромным оценкам насчитывает 1 400 писем.

Способность Тютчева к предвидению поразительна. Задолго до А. Тойнби и С. Хантингтона, особенно часто ныне цитируемых, он сформулировал отличие цивилизационных начал Запада и России, выявил особенности их менталитета, указал на основные пункты геополитических и геостратегических противоречий. Тютчевская оценка отношения европейских стран к России, если провести аналогию с современностью, удивляет своей проницательностью. И сегодня – идет ли речь о расширении НАТО на Восток, о вступлении России в Совет Европы, в ВТО – мы наблюдаем то же стремление Запада всячески ограничить современную постсоветскую Россию, использовать по отношению к ней политику «двойных стандартов».

Давно на почве европейской,
Где ложь так пышно разрослась,
Давно наукой фарисейской
Двойная правда создалась:
Для них – закон и равноправность,
Для нас – насилие и обман,
И закрепила стародавность
Их как наследие славян.

К сожалению, приходится констатировать тот факт, что исследование творчества Тютчева осуществляется пока эпизодически. Пожалуй, лучшей книгой является работа В. В. Кожина «Пророк в своем отечестве Ф. И. Тютчев». Заслуживают внимания статьи Б. Н. Тарасова, в которых анализируются историософские и христианские воззрения поэта. Надо отметить и зарубежные исследования тютчевского наследия (см.: *Грегг Р. Федор Тютчев*. Л., 1965; *Корнийо Ф. Ф. Тютчев – поэт-философ*. Лилль, 1974).

Памятник Тютчеву открыт в Мюнхене... Если мы пока еще не готовы создать памятник великому русскому поэту, дипломату и мыслителю на его родине, то пусть каждый из нас создаст хотя бы в сердце своем памятник-память, который как целебный источник утолит нашу духовную жажду.

Г. К. Щенников

ТРИ ЛИКА ФЕДОРА ТЮТЧЕВА

Литературные юбилеи последних лет – от многошумного пушкинского двухсотлетия до почти незамеченного, к сожалению, Некрасовского ставось-мидесятилетия – убеждают в том, что у нашего современника особый интерес к юбилярам – творцам словесного искусства: сегодня привлекает не столько их творчество само по себе, сколько личность писателя, выразившаяся в нем, значимость этой личности в национальной памяти, в национальном сознании.

Чем дорог нам Тютчев, имя которого, как я заметил, в эти дни никого не оставляет безучастным? Каким видится нам лицо поэта?

Впрочем, сразу приходится уточнить: в этом лице проступают три лика – поэта, философа и дипломата. Может быть, кому-то покажется неправомерным ставить в один ряд три вида деятельности Тютчева. Но для него самого все три ипостаси его сущности были важны: в 1850–1860-е гг. свою общественную деятельность, выразившуюся и во влиянии на министров, определявших внешнеполитический курс России, и в светских беседах, формировавших национальное самосознание, Тютчев, по-видимому, полагал явлением более значительным, чем свое поэтическое творчество. Об этом свидетельствует его отношение ко второму поэтическому сборнику его стихотворений, выпущенному И. С. Аксаковым в 1868 г., как к «весьма ненужному и весьма бесполезному изданию» [Кожин, 2003, 462]. В. Кожин полагает, что Тютчев не находил удовлетворения в стихотворчестве, потому что ставил перед собой грандиозные, безграничные цели [см.: Там же, 123].

В то же время его общественная служба в салонах и в переписке с канцлером А. Горчаковым была реализацией его историософии, его концепции России как тысячелетней православной державы, постоянно вносившей нравственный смысл в исторический процесс. А историософия Тютчева органически связана с его натурфилософией, с постижением законов природной и человеческой жизни, вызвавших его поэтическое творчество.

Тютчев выразил в своем творчестве прежде всего острое переживание своего присутствия в мире – не на родине, в России, и не на чужбине, в Германии, а в Мироздании, в Природе, в Бытии. Сознание это стимулировалось и исканием отечественных мудрецов, и открытием выдающихся философов